

В семидесятые годы у моей сестры Любы была дача в Переделкино. Ездили к ним и электричкой с Киевского вокзала, и автобусом через Солнцево. Первый путь предполагал дорогу пешком через весь поселок, второй, от Минского шоссе, был короче.

От станции широкая тропа вела через заросшую по берегам речку Сетунь. Через мосток. Далее, на высоком холме, начинался сосновый лес, и по обе стороны улиц поселка за заборами стояли старые, иногда особенной архитектуры, красивые, двухэтажные, дачи. Мы знали, что во многих из них жили известные советские писатели. Но встретится с кем-либо из писателей не удавалось. Видели иногда возле дач только сторожей. Тем не менее, дух избранности выдающихся обитателей поселка все равно как бы витал в этих местах.

Только однажды на платформе станции я встретил писателя. Это был Солженицын, шедший вдвоем с каким-то пожилым мужчиной. Они о чем-то возбужденно спорили. Это было перед его высылкой из СССР. Говорили, что он тогда у кого-то временно здесь жил. Кое-что в то время я уже прочел из его книг, но понравилась мне только одна: «Один день из жизни Ивана Денисовича». Особенно образ апельсинных корок на снегу... Трудоголик, талантлив. А в главном, судя по его книгам,— воинствующий самоуверенный антисоветчик, временами откровенно злобный, литературный власовец. Со временем я прочел и другие его произведения, и мое мнение о нем не изменилось.

Видел я здесь и известного тогда журналиста Герасимова. Соседа по даче. Видно, к семидесятым годам очень многие писатели, поселившиеся в поселке, состарились, да и видных новых писателей в стране поубавилось. А, может быть, поселок стал уже не так комфортен для жизни.

А раньше-то жили и творили здесь не только Борис Пастернак и Корней Чуковский, но и Роберт Рождественский, и Булат Окуджава, и кинорежиссер Арсений Гарковский, и Александр Фадеев. И даже Леонид Леонов, и Катаев, и Ильф с Петровым. Оказалось, что и мой любимый Константин Паустовский. Жил здесь и Демьян Бедный. И еще десятка два знаменитостей. Средоточие замечательных творцов советской литературы. И свидетельство материальной поддержки писателей советской властью.

Известно было и здешнее мемориальное кладбище, которое размещалось сразу за железной дорогой. Дорога к нему шла мимо окруженного каменным забором патриаршего подворья. В него тогда посетителей не пускали, но из открытых ворот и из-за стен ограды были видны прекрасные купола собора, расположенного во дворе. Купола напоминали храм Василия Блаженного на Красной площади.

На кладбище была и своя небольшая церковь. У входа возвышалась братская могила бойцов, погибших в этих местах во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Немцы были близко отсюда.

Само кладбище показалось мне заросшим и каким-то хаотичным по расположению. Посетители подолгу стояли перед могильными памятниками известных с детства писателей Корнея Чуковского, Бориса Пастернака, Александра Фадеева, Маргариты Алигер, Роберта Рождественского и других литераторов. Я тогда впервые узнал, что создатель «Молодой гвардии» застрелился в Переделкино в 1956 году.

Многие могилы и памятники были даже без оградок. Неприкаянные какие-то. Такая известность при жизни и такая скромная кладбищенская память! Но, наверное, память и должна быть скромной. Известность: она или есть, или ее нет. Если ее нет, тут уж никакой гигантский памятник не поможет. Некоторые посетители, и среди них я, с удивлением узнавали, что все эти писатели жили, умерли и похоронены в Переделкино.

К семидесятым годам, когда я там побывал, золотой век писательского поселка завершался. Поселок все больше напоминал скопление в морском порту у пирса громадных проржавевших кораблей, отслуживших свой срок и обезлюдивших. На кладбище писательских знаменитостей я особенно четко понял, что настоящее постепенно обрастает прошлым, становясь им.

История Переделкино уходит вглубь веков. Упомянется несуществующая уже усадьба каких-то летописных Клычевых — 17 век. С этого все начиналось. Первая, еще деревянная, здешняя церковь. Первое кладбище. Создание здесь в сосновом бору в 30-е годы по решению И. В. Сталина и по инициативе А. М. Горького целого дачного поселка советских писателей (единственного в мире), 50 дач, 50 семей! Какая государственная щедрость в трудные предвоенные, тридцатые, годы! Строительство уже современных соборов Патриаршего подворья — резиденции Патриарха всея Руси Алексия 1-го (на то время). Формирование послевоенного мемориального кладбища известнейших писателей, поэтов и артистов и ... происходящее сейчас постепенное увядание поселка. Может быть, с годами и с писателями в стране стало не густо?

Обмеление ранее судоходной реки Сетунь (ранее самого крупного притока Москвы-реки), вырубка здешнего векового соснового бора, старение былых, великолепных писательских дач, некоторые из которых стали ныне музеями, естественное перемещение умерших хозяев этих дач на здешнее кладбище, постепенное забвение их имен при одновременном массовом строительстве в этих местах жилья для неизвестных обывателей: близкая Москва быстро растет.

Было наглядно, как настоящее борется с прошлым, вытесняет его, тут же становясь прошлым. Придет время, и, возможно, люди с трудом уже будут вспоминать, кто такие были Борис Пастернак и Корней Чуковский. Музеи? Да, сейчас они есть. Их пять (в том числе дома-музеи Корнея Чуковского, Б. Окуджавы, Е. Евтушенко). Может быть, со временем станет вполне достаточным и простых памятных дощечек на калитках их бывших дач. Не Пушкин же здесь жил и творил, и не Лермонтов, в конце концов...

Я бы с удовольствием вновь прошелся по этим местам, но, к сожалению, больше ста метров без отдыха я теперь не пройду. Устарел. Я уже не знаю, что в Переделки-

но происходит сейчас (дачу сестра давно продала). Переделкино — это практически прошлое, немного настоящего и музейное будущее (музей своего прошлого). Я знаю, я — ровесник здешнего городка писателей.

Когда человеку 84 года (а мне как раз столько), он невольно становится прошлым. Но в связи с этим, думаю, можно ли вообще вернуться в ушедшее прошлое, что я часто мысленно делаю? Дело не только в Переделкино. В своих книгах я приглашаю вернуться в это прошлое своих стареющих друзей и читателей, но я не уверен, что у всех у них сжимается сердце при встрече с нашей общей памятью. Все ветшает, становясь ненужным, и умирает. Память умирает. А жаль: прошлое, по-хорошему, это, в основном, состарившееся будущее. Что там будущее? Говорят же, что даже могилы стареют. Они-то уж точно спорят с настоящим за место под солнцем.

Обидно, конечно, ну а что поделаешь?! Жаль постепенного исчезновения писательского поселка, поселок-то был поистине золотым. Уволили советское время, и настоящих писателей не стало. Вымирают и читатели. Вполне можно жить только интернетом. Выручила бы реинкарнация, но кто доказал ее возможность? Да и зачем такие непонятные хлопоты: вечность все равно не купишь. Да, наверное, и не нужно. Было бы утомительно и не эффективно.

За поселком Переделкино, сразу за шоссе, березовый лесок и полно грибов: подосиновиков и белых. Мы там раньше часто бывали всей семьей. Слушай, может, махнем туда в следующее воскресенье?

Что это я?!

